

А. А. КИРЕЕВ

Призыв Востока к соединению с Римом

Недавно появилась в немецких газетах, очень внимательно следящих за тем, что происходит на православном (бывшем нашем) Востоке, «новая энциклика папы Льва XIII», обращенная к римско-католическим епископам Греческого королевства. Он взывает к их усердию в деле распространения латинства, высказывает свою скорбь по случаю отпадения греков в схизму и выражает свою надежду на скорое их воссоединение с Римом, так как, в сущности (!), добавляет он, между обеими религиями (восточной и западной) разницы нет, а обряды, столь дорогие восточным христианам, могут остаться без изменения и после воссоединения с Римом! Так вкратце выражается его святейшество.

Нужно отдать справедливость римской иерархии; она зорко наблюдает за тем, что происходит на Востоке, и пользуется всяким удобным случаем, в особенности всякой смутой, для того, чтобы расставить нам свои ловушки, свои крепкие сети! Известно, что, по инициативе королевы греческой Ольги Константиновны, Новый Завет, написанный на греческом языке первого столетия и малопонятный людям неученым, простонародию, был переведен на язык новогреческий, доступный всем и каждому. Это прекрасное, истинно христианское дело повело к самым прискорбным, недостойным манифестациям, с полубогословской, полуповинистской подкладкой. Этими неладами, хорошо известными римской курии, папа воспользовался, чтобы выступить с энцикликой, в которой греческие православные христиане призываются к воссоединению с Римом.

Итак, все та же старая песня, все те же старые приманки, ловушки, сто раз разъясненные — и все-таки находящие наивных жертв даже среди наших богословов! Это очень странное явление, которое заслуживает того, чтобы на нем остановиться. Как объяснить, что среди нас, русских, находятся люди, печатно заявляющие о возможности и желательности соединения православной Церкви с папой? Не могут же

они верить его святейшеству, когда он говорит, что, в сущности, между нашими религиями разницы нет! До 1870 года, до провозглашения догмата личной папской непогрешимости, еще можно было, хотя не без явной натяжки, прийти к некоторому, хотя не искреннему соглашению с папой. Приходили же к такому соглашению восточные иерархи с иерархами западными и в Лионе, и во Флоренции, прикрывая свой недостойный торг разными богословскими ухищрениями; но можно ли теперь, после провозглашения кощунственного догмата папской непогрешимости, говорить о том, что, в сущности, наши религии тождественны, что соединение возможно, даже желательно! Это непонятное явление, мне кажется, объясняется следующим образом. Есть люди, которые, чтобы избежать одной беды, готовы подвергнуться большей, готовы, как говорится, идти «из огня да в полымя». Это бывает и с некоторыми из наших богословов. Несомненно, что современная богословская мысль и у нас начинает тяготиться схоластическими оковами, в которых ее держали немало времени, что она начинает протестовать против такого ярма. Это не только ее законное право, но и существенное условие ее преуспевания. Современный человек не может довольствоваться одними ссылками на тексты, на «правило» такое-то; его не убеждает факт, что так, мол, «magister dixit»¹. Он требует еще и другого, большего, он ищет еще иных доказательств. Может быть, он иногда идет и далее должного, но все же он во многом прав. Между нашими наставниками есть многие, которые сознают, что старые приемы отжили свой век, что им нельзя держаться за их излюбленное «magister dixit»¹, которые видят, что их аргументы не выдерживают современной многосторонней критики, и они ищут опоры там, где права этой критики не признаются, где она считается революцией, где именно «magister dixit» — все, т. е. в темном царстве католицизма. Там хорошо, спокойно, туда «революционеров» не пускают! Это, несомненно, одна из причин, почему многие у нас так сочувственно относятся к хитрым зазыванием папы и готовы вместе с ним признать, что «между нашими верованиями нет существенной разницы» (*ipsissima verba!*²). Другая причина симпатий к римско-католицизму среди некоторых из наших богословов состоит в том, что они, недостаточно останавливаясь на сущности христианского учения, на его мировом этическом значении, хватаются за его внешнюю сторону, за его случайную оболочку, которой и придают неподобающее ей значение. Большею частью это одни и те же люди. Римско-католицизм притягивает их и своей «мнимой», «внешней» консервативностью и своей торжественной обрядностью. Правда, число учителей нового направления постоянно увеличивается, и конечно, будущее принадлежит им, но и отживающая школа еще многочисленна.

Возвращаюсь к энциклике. Папа говорит, что существенных различий между нашими верованиями не существует и что величественные, почтенные обряды нашей Церкви останутся неприкосновенными. Все наши привычки, все предания — все останется по-старому, только бы вот мы ему подчинились, признали его главенство!

Нет, тысячу раз нет! Мы не должны поддаваться грубым обольщениям папы, мы не должны бросаться в пасть римскому католицизму из страха перед современной свободной критикой; ведь пострадать от такой критики может лишь то, что случайно и сравнительно недавно пристало к нашему верованию и что к его сущности не относится; наоборот: настоящая наша вера от этой критики может лишь воссиять еще более ярким светом. Истине нечего бояться мысли; она страшна только тем, которые жили недомыслием!

Успехи Рима на Востоке несомненны, и нам необходимо позаботиться о самозащите! Нам нужно понять, куда, рассчитывая на нашу наивность, зазывает папа. Неправду он говорит, что нам нечего бояться за свою веру, если мы соединимся с ним, потому что его вера не есть вера Христа Спасителя. Неправду говорит он, обещая преуспевание в христианском самосознании, потому что в его вере нет того элемента, который составляет необходимое условие христианской жизни и христианского самосознания — именно свободы, без которой нет ни религиозного развития, ни настоящей христианской добродетели. Свободу эту папа у себя уничтожил. Неправду говорит папа, уверяя, что союз с ним для нас не опасен, ибо союз этот не что иное, как тяжелое иго, налагаемое на душу христианина. С папой нельзя соединяться, ему можно лишь подчиняться в качестве бесправного раба, но не равноправного союзника. Неправду, наконец, говорит папа о римской Церкви, потому что, когда-то великая римская Церковь теперь уничтожена: ведь папа Пий IX торжественно заявил, что «он — Церковь» (*la chiesa son io!*) и что же даст нам папа взамен всех этих потерь? Тишину и спокойствие! Ненарушимость наших церемоний и обрядов! Но ведь такая тишина, спокойствие — тишина и спокойствие кладбища, да они у нас и так есть, нам их нечего занимать. Церемонии и обряды! Неужели Спаситель пришел на землю для того, чтобы установить церемонии и обряды!?

Обо всем этом его святейшество благоразумно умолчал, но нам-то следовало бы все это знать и помнить.

Висбаден. 30-го января 1901 г.

